

УДК 39:069(47+57-25)''19/21''

Х. М. Турьинская

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЙНОГО ДЕЛА В МОСКВЕ В XIX – НАЧАЛЕ XXI вв.

Усиление общественного движения в России со второй половины XIX в. сопровождалось расширением деятельности по изучению культуры отечественного и зарубежных народов, развитием родоноведения (краеведения), активизацией работы уже существовавших музеев, повсеместным ростом числа научных обществ и музеев различного профиля, которые становились не только культурно-просветительными, но и научно-исследовательскими учреждениями.

К концу XIX в. этнография в России оформилась как самостоятельная наука. В связи с музеями формировалась определенная культурная, научная и идейная среда, разрабатывались принципы музееведения, в том числе этнографического. Складывался научный подход к формированию и использованию этнографических коллекций. Музей мыслился как научное учреждение, задача которого – отражение культуры народа во всей ее полноте. С рубежа XIX–XX вв. исследовательские учреждения и организации, издательство и образование, кадры, музеи, отделы и коллекции составляли элементы организационной структуры этнографической науки. Тесное взаимодействие науки и музейного дела, роль музеев в культурной жизни страны, гуманистическая и просветительная миссия музея в полной мере осознавались в российском научном и музейном сообществе¹. Наглядной иллюстрацией этого факта может служить история московских музейных и научных учреждений. История московской музейной этнографии конца XIX – первой трети XX вв. связана с именами таких известных отечественных ученых, как А. П. Богданов, Н. А. Попов, Д. Н. Анучин, В. Ф. Миллер, Н. Н. Харузин, В. Н. Харузина, В. В. Богданов, Н. А. Янчук, А. Н. Максимов, В. И. Иохельсон, Б. М. Соколов, Е. Н. Елеонская, Д. Т. Янович, П. Г. Богатырев, Е. М. Шиллинг, Б. А. Куфтин, Н. И. Лебедева, М. Г. Левин, С. П. Толстов, С. А. Токарев.

Центром этнографического музейного дела в Москве и одним из крупнейших этнографических музеев России на рубеже XIX – XX вв. являлось Этнографическое отделение Московского Публичного и Румянцевского музеев. В состав Этноотделения входили Дашковский этнографический музей, в основу которого легли коллекции Всероссийской этнографической выставки 1867 г., и Отделение иностранной этнографии, ведущее свою историю от румянцевских коллекций начала XIX в. («Румянцевский музей») был учрежден на основе коллекций графа Н. П. Румянцева в Петербурге в 1831 г. и переведен в Москву в 1861 г.)².

¹ См.: *Станюкович Т. В.* Этнографическая наука и музеи (по материалам этнографических музеев Академии наук). Л., 1978; *Турьинская Х. М.* 1) Музейное дело в России в 1907–1936 годы. М., 2001; 2) Этнографическое музееведение в России в конце XIX – начале XX в. М., 2008; *Музееведческая мысль в России XVIII–XX вв.: Сборник документов и материалов / Отв. Ред. Э. А. Шулепова; Романова Н. М.* Принципы показа этнографических материалов в экспозициях краеведческих музеев. СПб., 2010. С. 6.

² См.: *Буров Н. В.* Превращение частной коллекции в государственный музей: Одна из первых попыток (судьба собрания Н. П. Румянцева) // Вопросы музеологии. 2010. № 1. С. 63–77.

В свою очередь, одним из центров этнографической науки в России второй половины XIX – начала XX вв. являлось Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (далее – ОЛЕАЭ) при Московском университете. Существовала, как тогда принято было говорить, «родственная связь», «тесное единение на пользу русской этнографии» между Этнографическим отделом ОЛЕАЭ и Этноотделением Румянцевского музея. Это находит отражение во многочисленных историографических источниках, в частности, на страницах «Этнографического обозрения» – печатного органа Этнографического отдела Общества, первого в России этнографического журнала.

С самого момента основания Общества любителей естествознания (далее – ОЛЕ) в 1863 г. его работа была тесно связана с развитием музейного дела в Москве и России. В традициях Общества было содействовать развитию науки и распространению научных знаний путем устройства выставок, организации и развития музеев, пополнения музейных коллекций Московского университета, использования музейных коллекций в научных, учебных и просветительных целях. Ярким примером этого служит организация Всероссийской этнографической выставки 1867 г., подготовка к которой шла уже с 1864 г. С первых заседаний Комитета по ее устройству фактически началась этнографическая деятельность в ОЛЕ. В процессе подготовки выставки в составе Общества был основан Этнографический отдел (февраль 1867 г.), и оно стало называться Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии, получило титул Императорского, а затем ежегодную правительственную субсидию.

Другие музейные начинания Общества, как и вся его деятельность в целом, также преследовали просветительные, образовательные и научные цели. После Этнографической выставки ИОЛЕАЭ была организована Политехническая выставка (1872), на материалах которой образованы Музей прикладных знаний (Политехнический) и частично Исторический музей. Затем были проведены Антропологическая (1879) и Географическая (1892) выставки, положившие начало, соответственно, Музею антропологии и Географическому музею при Московском университете³.

Одновременно с выставками были организованы международные съезды. Так, к Этнографической выставке был приурочен Славянский съезд ученых и общественных деятелей, ставший важным научным и социально-политическим событием. Выставки становились средоточием усилий большого числа представителей интеллигенции России и зарубежных стран. Созданные на материалах этих выставок музеи являлись плодом коллективной работы членов научных обществ-организаторов, а также привлеченных заинтересованных участников из широких кругов общественности.

На упомянутых выставках и в созданных на их основе музеях более или менее значительное место отводилось коллекциям этнографического характера. Таким образом, помимо Румянцевского музея, этнографические коллекции собирались и в других учреждениях Москвы, среди которых Антропологический⁴, Политехнический музеи. На протяжении своего дальнейшего функционирования эти музеи продолжали пополняться благодаря ИОЛЕАЭ. История же Дашковского музея показывает, что Этнографическая выставка оказалась не только удачно прошедшим праздником науки и просвещения, привлечшим

³ Турьинская Х. М. Этнографическое музееведение ... С. 32.

⁴ Смирнова Н. А. Этнографические собрания Института и Музея антропологии // Вопросы антропологии. М., 1976 Вып. 53. С. 178-187; Балахонова Е. И. Этнографические фонды Музея антропологии МГУ: история комплектования и текущие проблемы // Альманах – 1999. Музеи Российской академии наук. М., 2000. С. 271-295.

широкие круги русского общества, но и, по словам известного этнографа и музейного деятеля В. В. Богданова, «началом этнографического музея, университетского преподавания и популяризации этнографии» в Москве.

В Этнографическом отделении Румянцевского музея шла собирательская, научная, хранительская, музейно-техническая, экспозиционная, издательская, просветительная (экскурсии для посетителей) работа. Деятели ИОЛЕАЭ активно сотрудничали с московским этнографическим музеем. Значительное количество предметов и моделей, фото- и иллюстративных материалов поступало в Этноотделение Румянцевского музея через Этнографический отдел Общества, в частности из научных экспедиций его сотрудников и корреспондентов. К комплектованию коллекций музея по культуре населения России и зарубежных стран были привлечены не только этнографы-ученые но и любители и более широкие круги российской общественности.

Сотрудники музея и Этнографического отдела ИОЛЕАЭ собирали сведения и коллекции по различным темам в области материальной и духовной культуры – хозяйство, жилище, одежда, домашняя утварь, искусство, верования, музыка, игрушка и др. Ряд коллекций по этнографии поступил в Румянцевский музей благодаря учреждениям и частным лицам. Вообще, нельзя не отметить ту важную роль, которую играли частная и общественная инициатива, благотворительная деятельность в развитии отечественной науки и музеев. При недостаточной государственной поддержке науки и музеев частные пожертвования на проведение исследований и приобретение коллекций составляли существенное подспорье⁵.

Пример московского этнографического музея – лишь одна из иллюстраций того факта, что развитие науки и музейного дела в России встречало немало трудностей. В 1909 г. видный ученый и общественный деятель В. Ф. Миллер признавал, что едва ли в другой европейской стране научные работники находятся в столь тяжелых материальных, а иногда и нравственных условиях, а этнография так мало обременяет государственный бюджет, как в России. Отставание отечественных этнографической науки и музейного дела по сравнению с зарубежными В. Ф. Миллер объяснял общим состоянием культуры и экономики страны, «условиями нашей жизни». Другой крупный ученый и общественный деятель Д. Н. Анучин, сравнивая состояние науки в передовых странах Запада и России, также призвал принимать во внимание условия их исторического развития и отметил, что русская культура и наука достигли многого, и это вызывало в отечественных деятелях сознание посылно исполненного долга⁶.

В коллекциях Этнографического отделения Румянцевского музея к началу Первой мировой войны насчитывалось несколько десятков тысяч единиц хранения. Это учреждение развивалось как научно-публичный музей⁷. Оно стало в нашей стране одним из основных центров комплектования коллекций по этнографии России и зарубежных стран, наряду с крупнейшими специализированными этнографическими музеями – Музеем антропологии и этнографии (МАЭ) Академии наук и Этнографическим отделом Русского музея (с 1934 г. Государственный музей этнографии – ГМЭ) в Санкт-Петербурге. Многие из поступивших в Румянцевский музей этнографических коллекций по полноте и содержанию не имели равных в других российских музеях того времени.

⁵ *Зверева Ю. И., Турьинская Х. М.* Из истории музейного сообщества в России (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2007. № 4. С. 40-62.

⁶ *Турьинская Х. М.* Этнографическое музееведение ... С. 116-118.

⁷ *Шангина И. И.* Русский фонд этнографических музеев Москвы и Санкт-Петербурга: История и проблемы комплектования. 1867–1930 гг. СПб., 1994. С. 28.

Однако, разнообразные трудности материального и организационного характера (проблемы финансирования, помещения, кадров и др.) сдерживали органичное развитие музея. Отечественные ученые неоднократно отмечали, что многие годы его пополнение шло в виде пожертвований, что Дашковскому музею не отпускалось специальных сумм на приобретения, не было возможности снаряжать целевые экспедиции для музейных сборов, что отрицательно сказывалось на качестве музейных коллекций. Лишь с введением нового штата Румянцевского музея в 1912 г. появились ассигнования на приобретение коллекций, что открывало дорогу постоянному и систематическому пополнению собраний всех его отделов.

Вместе с тем, увеличивалась теснота помещения, ухудшались условия хранения и экспонирования музейных коллекций. И постоянное обогащение музея коллекциями, «не находящими себе удобного размещения в старом, крайне тесном и не приспособленном здании», и возрастающее число посетителей – все это, по мнению московских этнографов-музеев, наглядно и настоятельно подтверждало давно осознанную необходимость вывести Этнографический музей в другое, специальное помещение. Крепло убеждение, что Москва нуждается в новом, современном этнографическом музее, который мог бы развиться из Этноотделения Румянцевского музея. По словам В. В. Богданова, Москва его заслужила «как своей культурно-исторической миссией вообще, так и трудами своих ученых деятелей». Расформирование Румянцевского музея и создание самостоятельного этнографического музея в Москве было осуществлено после Октябрьской революции⁸.

После установления советской власти изменились условия функционирования науки и музеев. На протяжении 1910–1920-х гг. при сохранении преемственности в науке и музейном деле, в этих сферах происходили кардинальные изменения. Основная масса ученых и работников культуры продолжала свою деятельность, в 1920-е гг. был воплощен ряд проектов, о которых говорилось в прежние годы, получила развитие разработка теоретических вопросов этнографии и музейного дела и их применение в условиях нового этапа в жизни страны. Широилось краеведческое движение, возросло число музеев, проходили конференции, совещания и съезды музеев, краеведов, этнографов⁹.

В 1924 г. в Москве на основе коллекций Этнографического отделения Румянцевского музея был образован Центральный музей народоведения (далее – ЦМН), разместившийся в отдельном здании. При организации ЦМН в ходе дискуссий с участием крупнейших российских этнографов-музеев был принят проект, предложенный В. В. Богдановым, который возглавил в музее отдел русской этнографии (отдел восточных славян)¹⁰. Согласно его концепции, музей только будучи учреждением научным, хранилищем научно-достоверных бытовых документов, может дать ясный и точный ответ об истории и содержании народного быта, представляемого в его коллекциях. При этом экспозиция музея должна быть доступна пониманию не только специалистов, но и широкой публики. Эти идеи вытекали из опыта русских этнографов-музеев, выработанного в теории и на практике в предшествующие годы.

Директор ЦМН Б. М. Соколов полагал, что музей – это учреждение научное и просветительное¹¹. Система комплектования коллекций, по убеждению ученых, должна отвечать

⁸ Турьинская Х. М. Этнографическое музееведение ... С. 129.

⁹ Турьинская Х. М. Музейное дело в России ... С. 61-64.

¹⁰ Турьинская Х. М. Автоэтнографические источники в научном наследии В. В. Богданова // Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии. М., 2008. С. 248.

¹¹ Ипполитова А. Б. История Музея народов СССР в Москве // Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 146.

требованиям научности, поэтому экспедиционным сборам придавалось первостепенное значение. По словам Б. М. Соколова, состав коллекций музея диктовал выбор районов для экспедиций: они проводились в среде тех народов, которые были слишком мало представлены в музее или чьи коллекции нуждались в пополнении. Также в ходе полевых исследований приходилось следить за датировкой прежних, «безлегендных» экспонатов в фондах ЦМН. К слову, за необходимость проведения «контрольных экспедиций» и дополнительных исследований для атрибуции уже имеющихся в музеях коллекций этнографы выступали еще в начале XX в.¹²

Наряду с экспедициями сотрудники музея вели стационарное изучение «отдельных типичных селений», а также экономическое изучение районов и археологические раскопки. Все экспедиции и командировки, как отмечал Б. М. Соколов, проводились в контакте с местными «представителями этносов», с краеведческими обществами и музеями. Местные музеи подвергались детальному изучению, участники экспедиции давали указания и советы в организации музеев, в методах и планах собирания. На местах сотрудники ЦМН читали лекции, делали доклады. Такая научно-методическая, консультативная деятельность, осуществлявшаяся центральным этнографическим музеем, имела большое значение для развития музейного дела в регионах.

В 1920-х гг. развернулась широкомасштабная полевая собирательская и исследовательская работа московских этнографов в различных областях СССР. Это явилось воплощением идеи о том, что экспедиция является желательной и наиболее важной частью деятельности и существования музея как живого научного учреждения¹³. Именно экспедиционные сборы стали основным источником пополнения собрания ЦМН. В музей поступали также коллекции с выставок, от частных лиц, передавались из других музеев.

В период репрессий и «чисток», гонений на этнографию и краеведение в конце 1920 – начале 1930-х гг.¹⁴ ситуация в этнографическом музейном деле кардинально изменилась. Работа многих музеев СССР претерпела коренную ломку. При этом музеи, превращенные в идеологическое орудие, продолжали сталкиваться с материальными и организационными трудностями. В этнографических музеях советская власть видела пропагандистские центры, проводники национальной политики государства. В результате собирательская, исследовательская и экспозиционная работа музеев была подчинена выполнению задач социалистического строительства и политико-просветительской функции¹⁵.

Реорганизация, проведенная в ЦМН в 1931–1934 гг., фактически означала завершение «этнографического этапа» в истории музея. С 1934 г. он назывался Музеем народов (далее – МН) СССР. И даже «реабилитация» этнографии как науки со второй половины 1930-х гг. уже не могла исправить тяжелое положение, в котором находился московский этнографический музей. Этнография оказалась в Москве, по отзывам современников, «в беспризорном состоянии»¹⁶. В 1948 г. МН СССР был закрыт, его вещевое собрание было передано в музей Ленинграда (главным образом в ГМЭ, который тогда же получил наименование Государственный музей этнографии народов СССР; с 1992 г. носит нынешнее название – Российский этнографический музей) и Москвы.

¹² Турьинская Х. М. Этнографическое музееведение ... С. 126-127.

¹³ Турьинская Х. М. Музейное дело в России ... С. 78-79.

¹⁴ Соловей Т.Д. Власть и наука в России. М., 2004. С. 214-231.

¹⁵ Шангина И. И. Русский фонд ... С. 139-140.

¹⁶ Ипполитова А. Б. История Музея ... С. 155; *Решетов А. М.* Институт антропологии и этнографии – Институт этнографии АН СССР. 1933–1943 гг. // Этнографическое обозрение. 2003. № 5. С. 32.

Среди московских деятелей науки, которые пытались защитить Музей народов СССР от закрытия и расформирования, были В. В. Богданов, С. А. Токарев, С. П. Толстов, П. Г. Богатырев, М. Г. Левин, П. И. Кушнер. В начале 1948 г. представители научной общественности Москвы направили в ЦК ВКП (б) письмо о необходимости сохранения музея, затем С. А. Токарев от лица научных работников написал в редакцию газеты «Правда» письмо в защиту музея¹⁷. В. В. Богданов в своей «Записке о реконструкции центральных этнографических музеев в Москве и Ленинграде», написанной вскоре после официально принятого правительством РСФСР решения о закрытии МН СССР, предлагал провести его конструктивно-техническую и идеологическую реконструкцию. Возможно, он видел в этом последний и единственный путь спасения московского этнографического музея. В. В. Богданов справедливо полагал, что Москва не может оставаться без этнографического музея, «в отрыве от наглядного научного знакомства с бытом и культурой народов СССР и народов всего мира»¹⁸. Однако все ходатайства, письма, записки в защиту музея действия не возымели.

Москва на несколько десятилетий осталась без этнографического музея. В ряде московских музеев и учреждений науки и образования имеются коллекции по культуре и быту населения России и зарубежных стран. Среди них можно назвать Государственный исторический музей, Государственный музей искусства народов Востока, Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства, в структуре Московского университета – НИИ и Музей антропологии, Музей кафедры этнологии исторического факультета. Вместе с тем вопрос организации в столичном мегаполисе профильного стационарного общедоступного этнографического музея по-прежнему стоит на повестке дня. При этом, говоря о развитии уже существующих и создании новых этномузеев, необходимо учитывать состояние, в котором в современной России и в мире в целом находятся социум и культура, наука и научное сообщество, анализировать современные тенденции научного знания, интеллектуальную атмосферу, смену научных парадигм, дискуссии о миссии музеев и направления развития музейного дела, о будущем этнографических музеев, о проблеме «музей–музейный сотрудник–исследователь–посетитель», о способности и возможностях музеев отвечать на разнообразные общественные запросы¹⁹.

В 1960–1990-е гг. предпринимались безуспешные попытки воплотить в жизнь идею воссоздания этномузея в Москве²⁰. Следует учитывать, что до начала 1990-х гг. ленинградский-петербургский МАЭ (Кунсткамера) являлся частью Института этнографии АН СССР, а в 1992 г. был выделен в самостоятельное учреждение в составе Российской академии наук. В конце 1991 г. было принято решение об организации в структуре ведущего профильного научного учреждения – Института этнологии и антропологии (далее – ИЭА) РАН – собственного музея. Организационное оформление кабинет-музей получил в 1992 г. Возрождение музейной этнографии в Москве связано с деятельностью Этнографического кабинета-музея имени Н. Н. Чебоксарова ИЭА РАН. На настоящее время в его фондах – более 200 коллекций (свыше 3700 единиц хранения) по культуре населения России, стран Азии, Америки, Австралии и Океании, Африки, Европы²¹. В 1992–2010 гг.

¹⁷ *Ипполитова А. Б.* История Музея ... С. 156.

¹⁸ *Турьинская Х. М.* Автоэтнографические источники в научном наследии В. В. Богданова. С. 251.

¹⁹ Этнографические музеи сегодня // Антропологический форум. 2007. № 6. С. 7-132; Музейное проектирование / Отв. ред. А. А. Щербакова; Сост. А. В. Лебедев. М., 2009; *Шнирельман В. А.* Введение в дискуссию. Историко-этнографический музей: презентация традиции или репрезентация конструкции? // Этнографическое обозрение. 2010. № 4. С. 3-6.

²⁰ От редколлегии // Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 143.

²¹ *Калиновская К. П.* 1) Возрождение музейной этнографии в Москве // Альманах – 1999. Музеи

руководство кабинетом-музеем осуществляла доктор исторических наук Клара Петровна Калиновская, опытный музейный работник и крупный ученый-африканист.

Первоначальной основой коллекционного собрания музея стала коллекция из более чем 60 предметов культуры из Океании, переданная в дар Институту гражданами Франции художниками Н. Н. Миштушкиным и А. Пилиоко. Она включает орудия труда, предметы домашнего обихода, традиционного искусства, культура²².

В 1992–1993 гг. И. А. Чебоксарова, выполняя волю своего мужа, известного отечественного антрополога и этнографа Н. Н. Чебоксарова, передала после его смерти в музей 744 предмета культуры и быта населения Китая и других стран Азии (Индия, Вьетнам, Камбоджа, Индонезия, Япония, Монголия), а также Европы (Финляндия, Венгрия, Польша, Болгария, Украина, Литва, Латвия, Эстония) и Африки. География коллекции в значительной мере отражает маршруты научных поездок Н. Н. и И. А. Чебоксаровых. В ней представлены предметы традиционного быта, образцы декоративно-прикладного искусства, этнографические модели. Наиболее обширна и представительна часть Чебоксаровской коллекции, относящаяся к Китаю (предметы культуры хань, качин-цинпо, яо, тай и др.). Это одежда, украшения, сумки, вееры, циновки, шкатулки и корзины, посуда, предметы интерьера, детские игрушки, музыкальные инструменты, фигуры теневого театра, культовые предметы, произведения пластического искусства и многое другое. Предметы из Чебоксаровского собрания – подлинные образцы традиционного ремесленного и художественного производства, отражающие разные сферы жизни и деятельности населения Китая.

Н. Н. Чебоксаров в свое время выступал за создание в Москве музея этнографии. А спустя годы передача в дар ИЭА РАН обширной и ценной коллекции, собранной супругами Чебоксаровыми, значительно пополнила фонд предметов материальной культуры народов мира в нашем музее и укрепила его научную базу. В 1996 г. в музее была организована выставка «Материальная культура Китая», посвященная 90-летию со дня рождения ученого. На ней было представлено около 300 предметов из Чебоксаровской коллекции. Признанием огромного вклада видного исследователя и организатора науки в этнографическое музейное дело в ИЭА РАН стало в 2000 г. решение Ученого совета института о присвоении Этнографическому кабинету-музею ИЭА РАН имени Николая Николаевича Чебоксарова²³.

Собрание музея продолжало прирастать крупными поступлениями. В 1992 г. на средства ИЭА РАН была приобретена от М. В. Крюкова, в те годы заведующего отделом Зарубежной Азии института, коллекция традиционной одежды лоло Южного Китая. Значительным вкладом в этнографический музейный фонд ИЭА РАН явился дар З. П. Соколовой – сотрудницы института, известной своими исследованиями по этнографии Сибири. Это большая коллекция (свыше 140 предметов), включающая предметы культуры хантов. Крупное поступление (свыше 1380 предметов) в музей в 1993 г. – собрание испаниста

Российской академии наук. М., 2000. С. 138-150; 2) Этнографические коллекции и проблемы истории культуры // Восток. 1999. № 2. С. 149-154; Турьинская Х. М. 1) Десять лет Этнографическому кабинету-музею им. Н. Н. Чебоксарова Института этнологии и антропологии РАН // Этнографическое обозрение. 2003. № 5. С. 148-157; 2) Двадцатилетие Этнографического кабинета-музея ИЭА РАН // IX Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г. Петрозаводск, 2011. С. 60.

²² Калиновская К. П., Турьинская Х. М. Собрание Н. Н. Миштушкина и А. Пилиоко в Этнографическом кабинете-музее Института этнологии и антропологии РАН // Этнографическое обозрение. 2011, № 4. С. 156-160.

²³ Калиновская К. П., Турьинская Х. М. Н. Н. Чебоксаров у истоков музейного дела в Институте этнологии и антропологии РАН // Этнографическое обозрение. 2009. № 6. С. 114-119.

С. И. Алениковой, в котором представлены предметы материальной культуры из Америки, а также Европы, Азии, Африки. Ценным пополнением музея стали образцы косторезного искусства чукчей, переданные в дар директором ИЭА РАН академиком В. А. Тишковым (25 предметов из его личного собрания) в 1998 г.

Музейный фонд Института пополнялся и продолжает пополняться новыми коллекциями по культуре народов мира, поступающими от научных сотрудников ИЭА РАН, среди которых Г. А. Аксянова, И. А. Амирьянц, С. А. Арутюнов, М. Л. Бутовская, Р. А. Григорьева, Н. Л. Жуковская, К. П. Калиновская, Л. П. Кузьмина, Т. В. Лукьянченко, Л. Ф. Моногарова, Н. С. Полищук, С. И. Рыжакова, Г. А. Сергеева, А. Е. Тер-Саркисянц, Д. Д. Тумаркин, Г. Л. Хить, В. Н. Шинкарев и многие другие. В пополнении музея участвуют и аспиранты ИЭА РАН, а также сотрудники (Г. Е. Марков и др.) и аспиранты кафедры этнологии Исторического факультета МГУ, представители других научных и образовательных учреждений России (В. Г. Солодовников, В. Ф. Выдрин, А. А. Желтов, Э. С. Львова и др.), частные лица – российские и иностранные граждане.

Многочисленные поступления последних лет содержат коллекции предметов культуры населения России и зарубежных стран. Они дополняют соответствующие культурные и региональные комплексы, уже сложившиеся в музейном собрании ИЭА РАН, и закрывают имеющиеся лакуны. Так, за прошедшие годы значительно обогатился русский фонд Этнографического музея²⁴ за счет коллекций, переданных сотрудниками института (коллекции Т. А. Ворониной, С. А. Иниковой, Л. А. Тульцевой и др.), и из материалов экспедиционных сборов, проведенных работниками музея (экспедиции 2002 г. в Вологодскую область, 2003 г. в Тамбовскую и Рязанскую области, 2004 г. в Карелию и Архангельскую область, 2005 г. в Московскую и Рязанскую области). Хронологические рамки русского собрания широки: оно включает как старинные предметы, относящиеся к периоду конца XIX – начала XX вв., так и современные вещи конца XX – начала XXI вв., отражающие процессы сегодняшнего дня. Коллекции музея теперь позволяют еще полнее представить культуру русского населения различных историко-этнографических районов, отобразить локальные, социальные, профессиональные группы русских Российской Федерации и стран ближнего зарубежья.

Расширяется объем и география собрания Этнографического музея ИЭА РАН по российским регионам, особенно по Поволжью, Кавказу и Сибири. Пополнились коллекции по этнографии ряда зарубежных стран (Азии, Африки, Европы, Америки). Собрания музея в целом характеризуют хозяйство и быт, материальную и духовную культуру земледельцев, скотоводов, охотников и собирателей различных регионов планеты.

На базе коллекций этнографического музейного фонда ИЭА РАН были организованы экспозиции: «Культура народов Латинской Америки» (1994 г.), «Материальная культура Китая» (1996 г.) и постоянная – «Культуры народов мира» (с 1998 г.), регулярно дополняемая и обновляемая. Этнографический кабинет располагает помещением, оборудованным специальной мебелью, компьютерной, видео-, аудио- и оргтехникой. Материалы фоно- и видеотеки музея используются при проведении экскурсий в зале постоянной экспозиции.

В музее ведется комплектование коллекций, хранительская, научная, экспозиционная, просветительская работа. Проводится методическая работа, включающая занятия и

²⁴ Калиновская К. П., Турьинская Х. М. 1) Юбилей Этнографического кабинета-музея Института этнологии и антропологии РАН // Альманах – 2002. Музеи Российской академии наук. М., 2004. С. 50-69; 2) Этнографический музей Института этнологии и антропологии РАН. Два года после 10-летнего юбилея // Альманах – 2003. Музеи Российской академии наук. М., 2005. С. 119-129.

консультации по музееведению и истории материальной культуры для студентов, аспирантов, российских и зарубежных ученых – специалистов из разных учреждений и гостей ИЭА РАН. Организуются экскурсии на различную этнографическую тематику по музейной экспозиции для школьников, студентов, аспирантов.

Предметы из собрания представляют большой научный интерес. Специалисты имеют возможность проводить исследования на материалах музейных коллекций института. За время работы выставок и постоянной экспозиции музея их посетило свыше 3000 человек. Научная (по музеологии и африканистике) и музейная деятельность сотрудников Этнографического кабинета находит отражение в публикациях и выступлениях с докладами на научных форумах, в СМИ.

Этнографический музей ИЭА РАН, подобно многим музеям, в своей работе сталкивается с такими проблемами, как дефицит фондовой и экспозиционной площади (в условиях постоянного прироста коллекционного собрания), нехватка финансов, малочисленность кадров. Внимание к деятельности Этнографического музея ИЭА РАН в среде научной общественности, его популярность у посетителей, интересующихся культурами народов мира и стремящихся пополнить свои знания об окружающем мире, свидетельствуют о необходимости продолжать нелегкое, но благодарное дело развития музейной этнографии в Москве.

И как в истории Этнографического отделения Румянцевского музея и Центрального музея народоведения, так и в организации и деятельности Этнографического музея ИЭА РАН, отмечающего в текущем году свое двадцатилетие, весьма значительна роль научной общественности. На этих примерах можно проиллюстрировать прошлое и современный этап развития музея как части большой системы, в которой, как в «сообщающихся сосудах», взаимодействуют человек, социум, государство, идеология, наука, профессиональные сообщества.

Информация о статье

Автор: Турьинская Христина Михайловна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Россия, Этнографический кабинет-музей им. Н. Н. Чебоксарова Института этнологии и антропологии Российской академии наук, Москва. museum@iea.ras.ru

Заглавие: Из истории этнографического музейного дела в Москве в XIX – начале XXI вв.

Абстракт: Статья посвящена истории московских музейных и научных учреждений, а также роли исследовательского сообщества в становлении и работе музеев в XIX – начале XXI в. Рассматривается, в частности, деятельность Этнографического отделения Румянцевского музея, Центрального музея народоведения, Этнографического кабинета-музея ИЭА РАН в контексте развития науки и музейного дела в России.

Ключевые слова: коллекция, музей, этнография

On article

Author: Tur'inskaya Khristina Mikhailovna – Candidate of Science in History, senior researcher, Russia, Ethnographic museum of the Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow. museum@iea.ras.ru

Title: From the history of ethnographical museums in Moscow: the end of XIX – the beginning of XXI centuries.

Abstract: The topic of this article is the history of the Moscow ethnographic museums: the Ethnographic department of the Rumyantsev museum, the Central ethnographic museum and the Ethnographic museum of the Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (IEA RAS). The ethnographic museum work in IEA RAS is being realized by the Ethnographic museum cabinet organized in the structure of the Institute in 1991. The number of its collections is over 200 and the quantity of items is more 3700 objects representing cultural diversity of Russia, various states of Europe, Asia, Oceania, Africa. The IEA RAS Ethnographic museum is named after eminent scholar N. N. Cheboksarov because of the part he played in the establishment and development of ethnographic museum studies in Moscow. The history of Moscow ethnographic museums and the activities of IEA RAS Ethnographic museum serve as evidence of the necessity of large stationary ethnographic museum creation in the Russian capital.

Key words: collection, ethnography, museum